

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
КАФЕДРА РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Материалы научной конференции

(18 апреля 2018 г.)

Луганск

2018

УДК 821.161.1' 06 (06)

ББК 83.3 (2Рос) 6, 0я43

Р 89

Рецензенты:

Соболева И.А. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Ширина О.А. – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки».

Зайцева И.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия имени М. Матусовского».

Р 89

Русская литература на рубеже тысячелетий : проблемы изучения и развития : материалы научной конференции. – (Луганск, 4 апреля 2017 года) / под ред. : Л.В. Черниенко. – Луганск : 2017. – 132 с.

В сборник «Русская литература на рубеже тысячелетий: проблемы изучения и развития» включены статьи, основанные на сообщениях и докладах, представленных на университетской научной конференции с международным участием «Русская литература на рубеже тысячелетий: проблемы изучения и развития» (4 апреля 2017 г.)

Материалы отражают проблемы современного литературного процесса и вопросы, связанные с традициям классиков XX столетия, в произведениях рубежа тысячелетий. Сборник адресован широкому кругу читателей: вузовским преподавателям, школьным учителям, аспирантам, магистрантам, студентам.

УДК 821.161.1' 06 (06)

ББК 83.3 (2Рос) 6, 0я43

© Коллектив авторов, 2017

© ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валентеева Ольга Александровна

Феномен «сетературы» в контексте развития русской литературы начала XXI века.....4

Зайцева Ирина Павловна

Своеобразие жанра стихотворной молитвы в современном социально-культурном контексте.....8

Тыщук Дарья Сергеевна

Эстетика интертекстуальности в сказке Д. Емца «Ловушка для Кощея».....23

Зайцева Елена Владимировна

Моностих Владимира Вишневого.....28

Дудка Анастасия Владимировна

Проблема героя в романе Алексея Иванова «Географ глобус пропил».....34

Гавриленко Екатерина Сергеевна

Стихи Марины Бородицкой для взрослых и детей: проблематика и жанровое своеобразие.....42

Черновенко Татьяна Анатольевна

Лица и маски современников в рассказах Л. Улицкой.....48

Обедникова Елена Анатольевна

Художественная деталь в лирике Евгения Евтушенко.....58

Черниенко Лариса Владимировна

«Странные люди» в типичных обстоятельствах (еще раз о героях В. Шукшина).....63

Бахмач Виктор Иванович

Мифологические мотивы в поэзии В.С. Высоцкого.....71

Парфенюк Николай Николаевич

Внутренний мир заключенного на материале стихотворения В.С. Высоцкого «Ребята, напишите мне письмо».....81

Ильин Сергей Александрович

В. Набоков в оценке З. Шаховской.....87

Турбина Марина Александровна

Образ России в романе В.В. Набокова «Машенька».....94

Михалькова Анастасия Александровна

Раздвоение личности в повести В.В. Набокова «Соглядатай» сквозь призму системы зеркал.....102

Ильяхина Наталья Игоревна

О сравнении в поэзии И. Бродского.....107

Ожедрянова Анастасия Юрьевна

Особенности воплощения темы любви в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (духовное и телесное).....112

Вергунова Екатерина Сергеевна

Акмеизм как антипод символизма.....125

Турбина М. А.

г. Луганск

ОБРАЗ РОССИИ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»

Владимир Набоков, выдающийся русский писатель, получил признание в 1920-х годах в эмиграции и только во второй половине 80-х годов вернулся своими произведениями на родину, в Россию. Его творческая деятельность началась на исходе Серебряного века русской литературы и продолжалась вплоть до 70-х годов. Так сложилось, что творчество Набокова вписано в историю сразу двух национальных литератур – русской и американской, причем все его романы, написанные по-русски и по-английски, – подлинные литературные шедевры. Набоков очень много сделал для знакомства западной читательской аудитории с вершинами русской литературной классики, переводил А. Пушкина и произведения русских писателей XIX века. Родина, огромная любовь к ней всегда оставались в сердце писателя.

Его творчество в целом – «Дар», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Другие берега», «Лолита» и все остальные книги – представляет собой один из самых щедрых даров, которые когда-либо получал счастливый мир. Его собственно «русские годы» закончились в Крыму.

Читать Набокова – это все равно что сидеть в комнате, откуда открывается некий вид, который почему-то кажется нам миражом, словно бы хитро подмигивающим на солнце и заманивающим к себе. Некоторые читатели опасаются, что их выманивают из дома только для того, чтобы подставить ножку на пороге. На самом же деле Набоков хочет, чтобы хороший читатель, переступив через порог, попал в этот мир и наслаждался

его подробной реальностью. Хороший же ПЕРЕчитыватель, который не боится идти дальше, находит ещё одну дверь, скрытую в том, что прежде казалось незыблемым пейзажем, – дверь в иной, запредельный мир.

Как можно было так страстно любить литературу, живопись, абстракцию и узоры шахматной игры и одновременно считать музыку «произвольным нагромождением варварских звуков?» [2, с. 4–7]. Владимир Набоков стремился к независимости во всем – от ощущения собственного «я» до философии истории, от политических и эстетических взглядов до того, как он видит чье-то лицо или какое-то дерево.

У Набокова как у писателя и человека было два великих дара: литературный гений и гений счастья. Писатель говорит, что искусство открывает нам глаза на такие свойства реальности, как деталь, целостность, гармония, и мы начинаем видеть в них проявления свойственной жизни изобретательности. Смотрите на мир такими глазами, и все – сухой лист или дым папиросы над пепельницей – покажется вам чудом, знаком неистощимой творческой фантазии бытия. В жизни мы можем быть только самими собой, тем, что мы есть, но в искусстве нам дано проникнуть в души других людей, когда угодно возвращаться в прошлое, заглядывать внутрь мира, созданного воображением.

«Машенька» — первый роман Владимира Набокова; написан в берлинский период в 1926 году на русском языке. События романа разворачиваются в недорогом берлинском пансионе, который находится рядом с железной дорогой. Содержание романа не исчерпывается реалистически жизнеподобным воспроизведением эмигрантского быта, что безрадостное эмигрантское настоящее, воссозданное автором, – «скорее призрак, тень и фантастика, чем реальность: оно менее действительно, нежели те далекие дореволюционные годы, когда герои жили в России, у себя дома, а не в берлинском пансионе, где свели их судьба и автор. Пансион этот, очень убедительно, и выразительно, и с юмором изображенный в тонах

уныния и тоски, неудобное убежище русских эмигрантов, жертв «великого ожидания», не производит впечатления подлинника, яви: как будто люди здесь сняты самим себе. Автор знакомит нас с русскими эмигрантами [3, с. 3–7].

Алексей Алферов, мелкий служащий, называющий себя математиком. Он не так давно приехал в пансион из России и намерен остаться в Берлине. Он с нетерпением ждет приезда жены Марии. Своему ожиданию и вообще всему, что происходит с ним, Алферов придает широкий, даже мистический смысл. Даже то, что они вместе с главным героем романа Ганиным застряли в лифте, Алферов предлагает трактовать как некий «знак», символ. Сведения о жене Алферова, Маше, Набоков сообщает очень скупно. По рассказам Алферова, его жена – чистый идеал женственности и красоты. О ней он говорит только в приподнятых тонах. Герой взахлеб рассказывает о том, как его жена обожает загородные прогулки, а ее облик может воссоздать только талантливый поэт.

Другое лицо, «старый российский поэт», Подтягин, кающийся интеллигент. Его тон такой: «Дура я дура, я ведь из-за этих берез всю свою жизнь проглядел, всю Россию. Теперь, слава Богу, стихов не пишу. Баста. Совестно даже в бланки вписывать: «поэт» [7, с. 69–75]. У Подтягина болезнь сердца, он добивается визы во Францию, теряет паспорт и умирает.

Живут в пансионе ещё балетные танцовщики Колин и Горноцветов, «оба по-женски смешливы, с припудренными носами и мускулистыми ляжками». Все эти люди скучают и много разговаривают. Среди них – Лев Глебович Ганин, человек особенный, с романтическим воображением. Он наделен запасом физической силы, жизненного опыта, здравого смысла и положительных взглядов на жизнь. Человек интеллигентный, он успел побывать всем: рабочим, гарсоном, статистом, не боясь труда, но не чувствуя особого восхищения жизнью. Оседлость его утомляет, как и всякая прочная привязанность, эмигрантская среда явно тяготит; его болезнь – «охота к

перемене мест». Он тянет лямку своей жизни, влачит, как бремя, нежную ему связь с Людмилой, у которой «модная желтизна волос, смугловатая пудра и чулки поросячьего цвета» [7, с. 2–4]. Вл. Сирин относится к нему с явным пристрастием, не замечает его старой чеховской закваски и старается изобразить его судьбу «трагической». Но для трагизма Ганину недостает одной важной вещи: сильной индивидуальности. Без нее вся его история – немного печальна, немного смешна.

Прежде всего, Ганин – мечтатель. Он всегда мечтает о чем-то большом, но бесформенном и всегда влюблен в свою мечту. Каждое явление он переживает мечтой, и, когда встречается с ним в жизни, у него уже не хватает ни сил, ни чувств, чтобы овладеть живым объектом в жизни, во плоти. Таковы его романы с идеями, таковы же его романы с женщинами.

Таковы же все его встречи, и первая, и последняя, с Машенькой, символизирующей Россию. Ганин растратил все свои силы на мечтание о Машеньке, и, когда он, отправившись на вокзал для встречи, поворачивает с полдороги обратно и уезжает из Берлина, читатель чувствует, что для свидания с реальной Машенькой у Ганина уже не осталось сил. Русский герой весь изошел мечтой.

Внешняя простота первого набоковского романа обманчива: простая композиция, все герои на первом плане, действие разворачивается, как в пьесе. Казалось бы, нет никакого «второго плана» повествования. Однако уже в этом первом романе робко проступают черты словесной игры, сложного стиля Набокова, который сформируется позже.

В романе Набокова «Машенька» талантливо описаны городские пейзажи. Читателя привлекает меткость портретных и психологических характеристик персонажей, а также сила чувств воспоминаний героя. На первый план автор выводит взгляды и суждения Ганина. Внутреннее состояние Ганина соотносится у Набокова с описанием пейзажа, и поэтому

воссоздается жизнь героя в слове. («Холодный звон», «поезд, изверженный домом», «железный сквозняк», «слепые стены», «бледная, заманчивая даль»). В этот образ Набоков вложил остроту и сложность своего восприятия мира, а также собственные воспоминания о России. Четыре дня герой воссоздает в своей памяти подробный образ родины. Воспоминания настолько живые и реальные, что полностью вытесняют в его сознании впечатления о Берлине. Лавину воспоминаний вызвало то, что на фотографии Ганин узнает в жене Алферова Машеньке свою первую возлюбленную. В душе Ганина происходит переворот, помогающий ему обрести реальность. Толчком к раздумьям, к «возвращению в себя», служат и слова Алферова: «Пора нам всем открыто заявить, что России капут, что наша родина, стало быть, навсегда погибла» [7, с. 67–70].

Автор убежден в том, что только искусство способно противостоять распаду и забвению, что жизнь, преображенная в роман, и есть единственная надежная реальность. Поэтому в финале романа Ганин вдруг отказывается от намерения встретить и увезти с собой Машеньку: «Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня, – и эти четыре дня были, быть может, счастливейшей порой его жизни» [7, с. 180]. За эти четыре дня Ганин вспомнил три последних года жизни в России: от первой встречи с Машенькой до последнего ее письма к нему. В воспоминаниях героя о Машеньке воплотилась эмигрантская мечта и надежда на возвращение в Россию. Но вернуться на родину можно только в воспоминаниях.

На символичность образа Машеньки и его связь с образом утраченной родины указывали многие рецензенты. По мнению Г. Струве, «легкая символика образа Машеньки, сливающегося иногда с образом утраченной и обретенной России, чуть-чуть, без всякой аллегорической грубости

намеченная автором, ничуть не портит роман, а, наоборот, углубляя его, придает ему значительность» [5, с. 26–27].

Роман «Машенька» – это роман о России. А Россия для писателя – это прежде всего детство, отрочество и юность. Он тоскует, вспоминая о прежней России: с гувернантками и учителями, со сломанной купаленкой и беседкой с разноцветными стеклами в белых оконницах. Другую, новую Россию он не принял: «Я презираю коммунистическую веру, как идею низкого равенства, как скучную страницу в праздничной истории человечества, как отрицание земных и неземных красот, как нечто, глупо посягающее на мое свободное я, как поощрительницу невежества, тупости и самодовольства» [10, с. 37].

«Машенька» – это не личность, не фигура, закрепленная в четкой и индивидуально-неповторимой форме... Это – Россия, метафора России. Образ России, каким он раскрывается в «Машеньке» – «яркий в своей материальной достоверности и в то же время колеблющийся, подернутый дымкой, готовый каждую минуту рассеяться» [3, с. 39].

Дореволюционная Россия дорога автору и его герою: он любит Россию всей душой, для него она словно любимая женщина, которая ему близка и дорога, он порвал с Россией навсегда, но нельзя покинуть её, не пережив душевную боль. Ганин никогда не сможет жить за границей, впрочем, как и в современной России. Это трагизм поколения, вырванного без корня из родной среды. Вдали от Родины в герое говорит русская душа. В нем мы видим незащищенность и растерянность, глубокую печаль и безудержное стремление ко всему, что напоминает о Родине. Истинную цену русской земли он узнает, только потеряв её.

Когда Ганин увидел портрет Машеньки, свое прошлое, в ящике чужого стола, он потерял счет времени, он вернулся в Россию, переживал воспоминание свое как действительность: «Машенька, Машенька, - зашептал

Ганин, – Машенька... и набрал больше воздуха, и замер, слушая, как бьется сердце» [7, с. 29–36]. Вспоминая Машеньку, он до мельчайших подробностей вспоминает дачу, дачный концерт; окна большой старомодной уборной в крыле дома, между чуланом и комнатушкой экономки; скамью и железный стол с дыркой посередине для стока дождевой воды на чужой усадьбе; водяную мельницу на Редже. За эти несколько дней, от вторника до субботы, Ганин пережил всю свою жизнь заново, думая «о той, о девочке, о дальней», твердо решив вырвать свою Машеньку из рук Алферова [7, с. 176–179].

Машенька для Ганина – это его Россия, его возлюбленная. И он уезжает, даже не встретившись с Машенькой, потому что понимает: пути назад домой нет, он навсегда потерял Россию, все это осталось только далеким прошлым...

Машенька светится отблеском России, и потому вдвойне очарователен ее облик – и сам по себе, и своим отраженным светом; она пленяет как личность, она пленяет как символ, и не только она, но и самый роман, который окрещен её ласковым именем; над грустью и улыбкой, над искусно изображенным маревом эмигрантского существования поднимается в дымке символа и в очертаниях реальности элегический образ России.

Ганина ждала другая жизнь, какая, он не знал. И уезжает он в неопределенное будущее. Концовка должна звучать оптимистично, ведь он «с приятным волнением подумал о том, как без всяких виз проберется через границу». Но как-то напряженно звучит конец. Что там, на новой чужбине? То же, что и здесь, а значит, те же воспоминания. Отказавшись от рая, Ганин преодолел прошлое, он не попал к нему в плен. «Сладчайший слух», который прозвенел «из родины», оказался «лукавым». Непросто было Ганину отказаться от рая, но герой – сильная натура, как и все герои Набокова. Он сохранит в душе элегическое воспоминание, он будет «Россией всегда окружен», ибо обладает даром памяти, даром любви.

Эта ностальгическая тема пройдет через все романы Набокова, даже через те, которые написаны в Америке. Героем их будет незаурядный человек, сильная личность. Будет в нем что-то от самого писателя. Концовки романов Набокова чаще трагичны, и в этом отражение трагедии русской эмиграции.

С выходом «Машеньки» Владимир Набоков обратил на себя внимание критиков русского зарубежья как подающий большие надежды прозаик «молодого поколения» эмиграции. В позднейших статьях эмигрантских критиков «Машенька» оценивалась как «обещание великих возможностей» (Н. Андреев), которые писатель с блеском реализовал в последующих произведениях.

Список литературы

1. Аверин Б. Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. Аверин. – СПб. : Амфора, 2003. – 399 с.
2. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы / Б. Бойд. – СПб.:Симпозиум, 2010. – 720 с.
3. Гурболик О. Тайна Владимира Набокова / О. Гурболик. – М. : Б.и., 1995. – 248 с.
4. Зверев А. Набоков – ЖЗЛ / А. Зверев. – Молодая гвардия, 2003. – 453 с.
5. Мельников Н. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Н. Мельников. – Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с.
6. Мулярчик А. Русская проза Владимира Набокова / А. Мулярчик. – М. : МГУ, 1997. – 93 с.

7. Набоков В. Машенька / В. Набоков. – СПб. : Азбука, Азбука – Аттикус, 2011. – 181 с.

8. Набоков В. Pro et contra. Том 1 / В. Набоков. – СПб. : Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1999. – 239 с.

9. Носик Б. Мир и дар В.Набокова: первая русская биография писателя / Б. Носик. – М. : Пенаты, 1995. – 573 с.

10. Решетникова Т. Родина в романе В. Набокова «Машенька» / Т. Решетникова. – Омск: Литература в школе, 2005, № 3. – С. 36–38.

11. Шифф С. Вера (Миссис Владимир Набоков) / С. Шифф. – КоЛибри, 2010. – 684 с.